

A profile portrait of a man with light brown hair and a serious expression, wearing a dark coat. The portrait is partially obscured by a large, stylized graphic element on the right side of the cover, which consists of overlapping geometric shapes in shades of teal, purple, and red.

Российский колокол

2019

Спецвыпуск

АЛЬМАНАХА

им .В. Г. Белинского

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Альманах «Российский колокол»

Альманах

**Альманах «Российский колокол».
Спецвыпуск им. В. Г. Белинского**

«Интернациональный Союз Писателей»

2019

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

Альманах

Альманах «Российский колокол». Спецвыпуск им. В. Г. Белинского
/ Альманах — «Интернациональный Союз Писателей»,
2019 — (Альманах «Российский колокол»)

ISBN 978-5-00153-224-8

Как в студенческие годы, так и в зрелом возрасте Белинский активно участвовал в литературном движении и был не просто его частью, но центром, объединявшим вокруг себя других. Впоследствии Н.А. Некрасов писал о нем: Ты нас гуманно мыслить научил, Едва ль не первый вспомнил об народе, Едва ль не первый ты заговорил О равенстве, о братстве, о свободе.. Альманах имени В.Г. Белинского тоже объединяет – писателей и поэтов, авторов и читателей. В нем собрались яркие дарования – собрались, чтобы открыться людям, которые живо интересуются современной литературой. Авторы много, и каждый из них неповторимо самобытен. Это, безусловно, радует. Приятного чтения!

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

ISBN 978-5-00153-224-8

© Альманах, 2019
© Интернациональный Союз
Писателей, 2019

Содержание

Предисловие	6
Белякова Галина	7
Никколо Паганини	8
Богданов Валентин	13
Страдалец войны	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Спецвыпуск Альманаха Российский колокол им. В. Г. Белинского

Москва, 2019

При перепечатке ссылка на альманах

«Спецвыпуск альманаха Российский колокол им. В. Г. Белинского» – обязательна. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Учредители

Московская городская организация Союза писателей России, Фонд «Литературный фонд Петра Проскурина»

Адрес редакции

107023, г. Москва, ул. Никитская Большая, 50а, стр. 1

Электронная почта

pressa@inwriter.ru

Электронная версия

ros-kolokol.ru

Предисловие

В. Г. Белинский известен читателям и историкам литературы как одаренный критик, еще при жизни получивший от собратьев по перу прозвище «неистовый Виссарион».

Белинский родился и рос в семье военного врача, человека образованного, но небогатого и мрачного по характеру. С раннего детства будущий критик любил литературу, ценил хорошую поэзию и живо интересовался критикой. В 1829 году Белинский в возрасте восемнадцати лет поступил в Московский университет на словесный факультет.

С самого начала обучения Белинский сошелся с кружком передовых студентов и сам собирал вокруг себя увлеченных, даровитых и ярких людей. Но в 1832 году он был исключен из университета, якобы за недостаток способностей и пропуски лекций, а на самом деле – за публикацию остросоциальной пьесы «Дмитрий Калинин», имевшей антикрепостническую направленность.

После этого в течение многих лет Белинский жил, подрабатывая переводами и репетиторством и одновременно развивая свой критический талант и пополняя образование в кружках таких же, как он – смело мыслящих одаренных студентов и бывших студентов. Он много и вдумчиво читал, изучал историю и философию, имел обширные знания в различных областях. Статьи Белинского часто бывали резкими и суровыми, он был строг к писателям, но всегда искренне радовался, обнаруживая истинный литературный гений, хотя даже самым великим не прощал ошибок.

Как и в студенческие годы, в зрелом возрасте Белинский активно участвовал в литературном движении и был не просто его частью, но центром, объединявшим вокруг себя других. Впоследствии Н.А. Некрасов писал о нем:

*Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил об народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе..*

Альманах имени В.Г. Белинского тоже объединяет – писателей и поэтов, авторов и читателей. В нем собрались яркие дарования – собрались, чтобы открыться людям, которые живо интересуются современной литературой. Авторы много, и каждый из них неповторимо самобытен. Это, безусловно, радует.

Приятного чтения!

Белякова Галина

Галина Александровна Белякова, 1940 года рождения – писатель, поэт, член Союза писателей России. Награждена почетным знаком СП России – медаль им. Чехова «За верное служение отечественной литературе», диплом – 2008, 2009 гг., диплом литературного конкурса «Лучшая книга 2014–2016» за книгу «Душевная философия», 2016–2018 гг. за книгу «Право на жизнь».

Никколо Паганини (Отрывок)

Говорить о жизни сложно, дорогой мой читатель, но заманчиво. Человек родился, привык к окружающей, баюкающей его среде, которую впитывает всеми фибрами. Рожденный свободным от всяких уз, он счастлив. Но все течет, все меняется. Условия жизни поменялись, поменялся и человек, а значит, приспособился.

Люди рождаются с разными характерами, и судьбы у них разные, и они по жизни идут каждый своим путем. Если человек талантлив, разносторонне развит, имеет на все свое мнение, у него есть своя жизненная цель, и он стремится достичь этой цели. Если человек просто живет, согласен с условиями, в которых он живет, его ничего не волнует, может быть как-то всколыхнется, как травинка от ветра, ветер улетит, и опять тихо. Такие люди, послушные, вреда не приносят стране, они спокойны. Но подчас они становятся жертвами порабощения властью, церковью.

Рассуждая философски о жизни, я постепенно подхожу к волнующей теме: о жизни великого скрипача Никколо Паганини, о котором поведал русский советский писатель, романист Анатолий Виноградов (1888–1946), хорошо изучивший библиографический исторический материал о музыканте-скрипаче Никколо Паганини, и он помог разобраться в этой истории, с надеждой, что и вам будет интересно, мой читатель, вспомнить историю, если чуть подзабыли, эпоху Возрождения. Трагическая судьба привлекает внимание к рассуждению о разных человеческих судьбах, тем более если талант человека обогащает культурное наследие эпохи, государства.

Чтобы понять жизнь великого скрипача, виртуоза скрипичного искусства, надо проникнуть в глубь средневекового феодализма XIV века. Италия в это время ощущала на себе гнет католицизма как рабства набожности. Спекулируя на невежестве и доверчивости народа, католические церковники преследовали свои эгоистические меркантильные цели. Гуманисты того времени подчеркивали: служитель церкви тоже человек, имеющий все естественные права, и если осуществления этих прав он добивается тайно, то превращается в лицемера. Такой же дух бесправного средневековья, дух феодализма и остался в Генуе, когда родился Никколо Паганини.

* * *

27 октября 1782 года, в дождливую ветреную ночь, когда в оба генуэзских мола, как пушечные выстрелы, хлопали волны прибоя, в бедной итальянской семье в Генуе родился Никколо Паганини. В предании говорится, ребенок кричал всю ночь, ребенок кричал утром. Он плакал, будто жалуясь на произвол родителей, призывавших его к жизни в эту страшную ночь.

Нищета процветала в убежище для бедных, где провел детство Никколо. В гурьбе оборванных ребятишек, выбегающих из этого убежища пускать бумажные и деревянные кораблики в лужах или с гамом и криком бросающихся в уличные бои, можно было заметить маленькую обезьянку с выдающейся челюстью, широким лбом, курчавыми черными волосами и очень длинным носом. На уродливом лице странно выделялись огромные агатовые глаза. Необычайно красивые глаза поражали своим несоответствием всему облику длиннорукого кривоногого ребенка с громадными ступнями,

с длинными пальцами на длинных кистях. Когда эти глаза загорались любопытством, лицо выравнивалось и внезапно теряло свою уродливость. И даже отец Никколо Антонио выговаривал: «Фу, какой ты урод!»

Отец хорошо играл на гитаре «Карманьолу». Ему хотелось поскорее выучить сына играть на музыкальных инструментах. Никколо делал первые попытки игры на лютне и робко старался повторять за ним. Потом отец принес сыну старую скрипку и объявил: «Никколо, ты будешь учиться играть на скрипке. Я сделаю из тебя чудо, ты будешь зарабатывать деньги». С этими мыслями он остался верен себе на всю жизнь. Начался первый урок скрипичной игры. Маленький мальчик с трудом понимал отца. Отец раздражался и на каждый промах сына отвечал подзатыльником. Потом приноровился пользоваться длинной линейкой: когда сын делал ошибку, Антонио легкими и почти незаметными ударами бил сына по кисти до кровоподтеков. Или сажал в чулан, пока не сыграет без ошибок первое упражнение. Своим жестким подходом к сыну Антонио Паганини отшибал все желание продолжать учение с отцом. Никколо убегал из дома, пока отца в нем не было. Он бегал по склонам гор, выпрашивал у старух кусок овечьего сыра или чашку козьего молока. Усталый, исцарапанный о камни, он забирался в самые глухие места, где отец не мог его отыскать. Мальчик засыпал на ветвях деревьев, пригретый лучами солнца, проклиная скрипку, которая превращалась для него в оружие пытки.

Но ничего не могло сломить настойчивого старого Паганини. Он не раз говорил Никколо: «Я сделаю из тебя чудо, проклятая обезьяна! Ты ровно продан черту – так ты или погибнешь, или обеспечишь мою старость.

Я выпущу тебя, мальчик, перед большой толпой знатных и богатых господ, когда мир опять станет на место после ухода французских бродяг. Ты будешь вызывать восторг и умиление богатых людей, которое заставит их забыть свою скудость».

Мать же Никколо с вечным страхом за сына, что побои отца сведут ребенка в могилу, с постоянным стремлением сберечь лишний кусок для сына, скрывала свои страдания. Но однажды обморок сломил ее. Она позвала сына и слабым голосом проговорила:

– Мальчик, ночью ангел, тот самый, которого мы видели на святой картине в соборе, сказал мне, что ты будешь первым скрипачом мира. Недаром мы приехали в этот чудный немецкий город. В городе лучшие скрипичные мастера – Амати, Гварнери и Страдивари. Обещай мне никогда не расставаться со скрипкой.

Мальчик обещал матери не расставаться со скрипкой.

По совету дяди, к кому они приехали, Никколо посетил Паоло Страдивари, который посоветовал учиться у графа Козио.

Граф Козио

Первым делом граф Козио спросил Никколо:

– На чем же будешь играть, мальчик?

– На чем прикажет синьор граф, – ответил Никколо. Козио подошел к маленькому Паганини, откинул

ему волосы со лба, внимательно посмотрел на брови, на лоб, на глаза и сказал:

– Мне девяносто семь лет, восемьдесят из них я потратил на собирание сокровищ – скрипок. Дом, в котором ты находишься, хранит первую в мире коллекцию музыкальных инструментов. Ради них существует

земля, ради них Творец вселенной вложил в человека безумную любовь к превращению плохой жизни в прекрасные звуки.

Граф Козио снял со стены золотистую старинную скрипку, и протянул мальчику, и осторожно вручил ему смычок. Маленький скрипач заиграл. Потом Козио поднял высоко руки Никколо, поднес к своим слабым глазам:

– У тебя каждый палец похож на утиный нос. Уродство, да и сам ты некрасив. А такие пальцы лучше всего для игры. У тебя хороший слух.

Проходили дни. Старый Козио рассказывал маленькому Паганини историю скрипки. Вскоре маленький скрипач научился различать виды скрипок.

Антонио Паганини

А дома – дома то же самое. Отец, жаждущий заработать на сыне, как-то говорит жене:

– Граф Козио утверждает, что из мальчика ничего не выйдет, если он немедленно не начнет брать уроков у синьора Роллы. Но ты знаешь, как дорого Ролла берет за уроки. Я думаю, что лучше вовсе не учить мальчишку за деньги, а просто отправиться путешествовать с ним по Ломбардии (Северная Италия].

Астрологические, алхимические поиски жизненного эликсира и философского камня, которые у средневековых безумцев связывались с мечтой о человеческом счастье, об устройстве человеческого общества, у старого Паганини превращались в искание средств для биржевого обмана природы, для маклерских сделок с темными силами. Но все оказывалось напрасным.

В Генуе уроки со скрипачом Джованни Серветто были прекращены из-за безденежья. Воспользовавшись днем, когда синьор Антонио должен был задержаться в суде, мать отвела сына к синьору Джакомо Коста. Этот синьор был преподавателем генуэзской капеллы и играл первую скрипку во всех церковных оркестрах Генуи. После первых же занятий синьор Коста был совершенно поражен отчетливостью звука, чрезвычайной восприимчивостью своего ученика и быстротой его работы. А через полгода, когда мать Паганини тайком от мужа принесла деньги за тридцать уроков, синьор Коста стал прикидывать с довольной улыбкой, в каком соотношении находятся эти деньги и его выручка от церковных концертов, в которых участвовал Паганини. Да и для семейного бюджета это было доходно. Но вскоре из-за корыстолюбия синьора Коста синьор Антонио почувствовал себя оскорбленным и обманутым. Дело приняло плохой оборот. Синьор Коста собрал сведения о крещении, о детских годах своего ученика и пришел к выводу, что скрипичный талант мальчика, его необычайная музыкальная одаренность, невероятная для отрока музыкальная техника не могут быть объяснены божественным вмешательством. Здесь, несомненно, было вмешательство нечистой силы и, несомненно, демонское влияние. Проклятие повивальной бабки было причиной необыкновенных успехов маленького Паганини.

После раздора отца Никколо с синьором Коста произошла случайная встреча маленького скрипача с синьором Франческо Ньекко, знаменитым композитором, оперы которого ставили во всех театрах Северной Италии, Ливорно, в Неаполе, Венеции, Милане. Вот он-то точно не верил всякому вздору о вмешательстве нечистой силы в судьбу Никколо. Эта встреча сыграла большую роль в жизни маленького скрипача.

Синьор Ньекко

Странная дружба установилась между оперным композитором и «дьяволенком-скрипачом», как называл Никколо синьор Ньекко.

После занятий музыкой Ньекко знакомил мальчика с историей порабощения Ломбардии австрийцами. Он рассказывал о значении французского нашествия на Италию. Французские войска гонят австрийских жандармов, они гонят немецких попов, приехавших из Вены, а прокламации Бонапарта несут с собой освобождение от «карбонариев» – «угольщиков», от которых маленький Паганини не раз слышал в «убежище».

Под впечатлением от услышанного маленький скрипач сделал «новую вариацию итальянской "Карманьолы"» и добавил собственную музыкальную тему, ту зажигательную французскую песню, которую он услышал случайно от французских матросов на берегу моря. Эта песня звала к восстанию всех детей родины, она говорила о том, что поднято знамя, алое от крови народа, о том, что наступили дни славы. У Паганини началась своя недетская жизнь. Ему стало даже легче сносить побои и упреки отца. У него появились свои жизненные планы.

Ньекко, сам участник карбонарской конспиративной работы, имел привычку к внимательному и зоркому наблюдению. В эти годы Ньекко был единственным, кто точно представлял себе все значение бурного вторжения, услышанного, увиденного в жизни маленького скрипача. В то время как синьор Антонио Паганини со всей толпой своих коммерческих друзей и врагов и мать Никколо со своей озлобленной сворой родных терялись в догадках о происхождении ранней одаренности Никколо и строили предположения о сверхъестественном вмешательстве, видя в нем то страшную демоническую, то благодатную ангельскую основу.

Учитель Никколо Ньекко боялся за судьбу своего любимого ученика, хрупкость которого внушала ему самые серьезные опасения. Ньекко боялся, что могущество этого всеподавляющего таланта превратится в огонь, который сожжет и очаг, и дом. Когда он перечитывал страницы миланской хроники, в которых старинный повествователь рассказывал о ломбардийских крестьянах, намеренно уродовавших своих детей, чтобы потом продавать их в качестве придворных шутов герцогу Сфорца, Ньекко живо представил родителей и родственников Никколо, жаждущих от него заработка. Еще его волновало, что церковная музыка чужда маленькому скрипачу. Когда Ньекко говорил с ним о свободе Италии, о живой и яркой работе карбонариев, щеки у мальчика покрывались румянцем возбуждения.

Молчание, замкнутость сына, его спокойствие вызывали подозрение у синьора Антонио, о чем он рассказал священнику местной церкви. Священник сказал, что маленький скрипач на хорошем пути: три раза в неделю он выступает в церковных концертах, его выступления привлекают толпу молящихся, молящиеся охотно отзываются на кружечный сбор, таким образом можно рассматривать Никколо Паганини с его скрипкой как явление, угодное Богу. По инициативе синьора Ньекко мальчик был приглашен к участию в концерте светской музыки. Никколо играл впервые перед большой аудиторией. Легенда о маленьком скрипаче полетела по городу, над морем, по всему лигурийскому синему заливу.

Отрочество

Антонио Паганини был встревожен тем шумом, который поднялся вокруг концерта маленького скрипача. Вот теперь утром ранним младший Паганини с тростью, перекинутой через плечо, и узелком за спиной семенил, стараясь поспеть за большими шагами отца. Задумка отца осуществилась, они к вечеру добрались до дешевого трактира. Антонио неожиданно ласково сказал Никколо:

– Знаешь, я совсем разорен, теперь в твоих руках спасение семьи. Играй, играй всюду. Соберем деньги, тогда заживем хорошо.

Так он впервые играл в трактире.

Потом пошли концерты – в церквах, трактирах, гостиницах. Жажда наживы гнала старика из города в город. К отцу будто бы вернулись юношеские силы, бодрость; он не давал сыну ни минуты отдыха, не щадил и себя. Откуда-то взялась ловкость самого настоящего импресарио. То, что не удавалось маклеру, вдруг удалось антрепренеру: заказывались афиши; скрываясь под маской дальнего родственника, Антонио Паганини отчаянно рекламировал сына. Таким образом все побережье Ривьеры де Леванте сделалось аренной действий этого старого пирата. Между выступлениями в больших городах старик не брезговал ничем, заставлял ребенка играть на постоялых дворах, выпрашивая байокки, гантезии и сольди у погонщиков мулов, бродячих артистов, семинаристов, сидевших за кружкой вина.

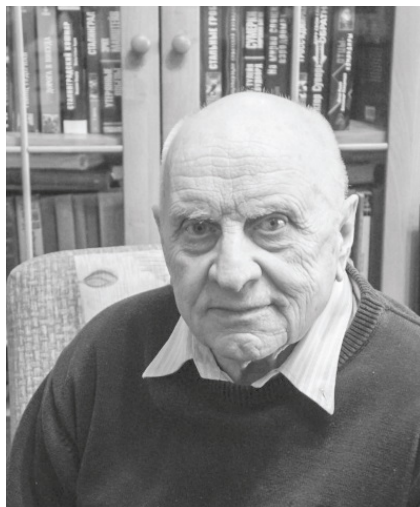
В городе Ливорно перед концертом старик выдал сыну серую куртку, панталоны, новые чулки и туфли, огромную серую шляпу с перьями. Все это было неуклюже, не по росту, но сшито из дорогого материала. После концерта и сытного ужина старик позволил себе роскошь. В ливорнском ридотто сначала выиграл, а потом все, что заработал, проиграл, и последнюю двадцатипятифранковую кредитку старик снес в морской притон на берегу. А утром должен быть концерт, и здесь произошло непоправимое для Никколо: он обнаружил, что рукав у

костюма был порван. Он хотел сам зашить, но в это время за окном раздались звуки, и Никколо выглянул в окошко, держа в руке костюм. Порыв ветра вдруг подхватил несчастный костюмчик, и он выпал из рук Никколо. Пропажу отец не простил и отправил сына на поиски. Никколо взял куртку мамы, которую она подарила. В курточке радостный Никколо нащупал зашитую пятифранковую монету «на счастье». Он решил поехать в трактире, где накануне был с отцом. За столом шла игра. Маленький Паганини поставил на карту свою драгоценную монету. Ему не разрешали, кричали: «Где взял деньги?» Никколо им сказал, что надо купить одежду. Поздно ночью мальчик вышел из притона в сопровождении боцмана, который опасался, что Никколо ограбят. Когда вернулся домой, отец еще спал, возле кровати – лужа вина. Ночью Никколо не сомкнул глаз. Наутро мальчик тихо вышел из гостиницы со скрипкой под мышкой, в руке узелок, в котором было все его имущество: молитвенник, подарок матери, и бантик из лент – красной, зеленой и черной, который ему подарил синьор Ньекко. Впервые за все свое детство Никколо Паганини чувствовал себя легко и спокойно. Хотелось есть, он не ел два дня.

Приморская кофейня была первым местом, куда вошел скрипач-оборванец. Паганини заказал обильный завтрак – на удивление хозяина. Потом в магазине купил себе два костюма и даже не узнал себя в щеголе, которого увидел в зеркале. Выйдя из магазина и стоя на углу, забыв, где находится, он вынул скрипку из чехла. Охватившие его чувства, все пережитое внезапно вылились в ураган звуков, сбивающих все на своем пути, все покрывающих собой, рвущих нить, связывающую его с домом, с семьей. Он шатался, его бросало в жар и озноб, но он играл как одержимый, как безумный и не понимал, где он и сколько времени играл. Никколо не чувствовал, что слезы застилают ему глаза, и только когда зашатался, опустил смычок. У него тряслись колени, плечи. Он поднял голову – и только тут увидел людей, услышал, как вся площадь ему рукоплескала. Паганини с удивлением посмотрел на деньги, поднял шляпу, неуклюже набил карманы монетами и бумажками. И пошел, не зная, куда идти. Имея деньги, можно нанять извозчика. Он сел в экипаж, доехал до почтового двора и оттуда мальпостом до Милана. Старая жизнь кончилась. Первая игра в притоне оказалась куда интересней, чем игра на скрипке. «Но игра на скрипке, стоя на площади, – и я снова богат. Зачем мне возвращаться к отцу, который сосет мою кровь?» – такие мысли возникли вдруг у мальчика. Но едва доехал до очередной станции, как два жандарма арестовали маленького Паганини. Старик Антонио занял деньги и, не поскупившись на расходы и обещания, поднял на ноги всю полицию Ливорно. Вопреки ожиданиям мальчика, отец держался ровно и спокойно, говорил мало, был задумчив. Никколо вдруг почувствовал, какое огромное значение в его детской жизни имел этот побег от отца. Он почувствовал себя отрезанным от семьи. Даже обостренная боль разлуки с матерью исчезла по мере приближения дилижанса к родному дому. По молчаливому уговору отец и сын вернулись домой как богатые и счастливые путешественники.

04.2015 г.

Богданов Валентин

Родился 1 ноября 1935 г. В 1952 году окончил ФЗО и работал электросварщиком. Затем окончил заочно Свердловский юридический институт и работал мастером, старшим инженером, старшим прорабом и старшим юрисконсультom в разных предприятиях нефтяной промышленности. Занимался общественной и партийной работой, избирался на руководящие должности в разных организациях. Написал и опубликовал шесть книг. Женат, имеет троих детей и четверых внуков. Ветеран труда, пенсионер. Живёт в Тюмени.

Страдалец войны Рассказ

Издается в авторской редакции.

В войну на передовой я отвоевал одну неделю и был тяжело ранен. Так что рассказывать о войне мне вроде бы и нечего. Такая вот судьба выпала, что живым остался, хотя шансов на это не было никаких. Ранило меня осенью сорок второго, ночью, когда выбрался из землянки по нужде, а шальной снаряд тут и «гвазданул» неподалеку от меня – я и свалился без сознания. Стояли мы в ту пору в обороне возле Волхова, в болотистых лесных местах, – самом, наверное, гиблом месте на войне, навеки проклятом всеми, кто там воевал и живым остался. Полегли здесь целые дивизии. И не только, пожалуй, от боев, сколько от болезней да от голода и холода, а больше оттого, что нас, казалось, бросили штабы на полную погибель. Унылость и полная безнадега одолела нас из-за этого. Да и спастись от разрывов немецких мин и снарядов на той местности было негде. Копнешь, бывало, ту землю лопатой на штык, сразу вода появляется, сверху тоже мокрит, а из-за нашей извечной голодухи жрали все подряд: и бруснику, и клюкву [полно ее было] – и воду пили из болот, буроватую и вонючую. И как начала нас косить дизентерия, спасения не было! Почти поголовно в лежку лежали бойцы по сырым землянкам, исходили в тяжких муках от дизентерийной эпидемии и безмолвно умирали и умирали. И немцы таких в плен не брали, истребляли на месте. Вот на такую гибельную, почти безлюдную позицию нас и бросили той тяжелой осенью, где и спрятаться-то негде было от огня противника. А мы ответного огня по немцам не могли открывать, у нас лимит, два снаряда на орудие в день положено, а после хоть мухобойкой отбивайся. Не помню, как меня оттуда вытаскивали да как вывозили из того ада, штоись из головы будто сквозняком выдуло. Наверное, такая возможность еще была, сказать не могу. Осколком снаряда разворотило мне тогда скулу и глаз вышибло, ключицу перебило да вдобавок контузило. Долго потом приходил в себя в госпитале, поначалу все пытался осознать, что я – это я, рядовой боец Хвойников Николай Филиппович, тыща девятьсот двенадцатого года рождения, из деревни Боровлянка Красноярского края. Много всяких операций перенес я за полгода в разных госпиталях, да рассказывать об этом сейчас без надобности. За месяц до выписки меня перевезли из города Кирова в госпиталь Кургана, вроде на окончательную поправку, а при выписке из госпиталя был демобилизован из армии вчистую как инвалид первой группы. При выписке выдал мне старшина кавалерийскую шинель длиной до пяток, почти изношенную и обтрепанную снизу, да затасканный красноармейский шлем с подшлемником. А вот из обуви всучил американские ботинки последнего размера из красноватой кожи буйвола, а в придачу к ним стираные-перестиранные обмотки и две пары новых портянок. Обулся я, приоделся, этось, в выданную одежонку, ремнем потуже затянулся, потопал ботинками по полу для верности и сунулся к зеркалу на свой походный вид глянуть. И как глянул, так и ахнул, рот от удивления в немоте раскрыл. Наверное, от охватившей меня растерянности повернулся к старшине, тот, взглянув на меня, остолбенел, открыл рот и выдохнул, качая от изумления головой: «Ну вылитый гегемон революции!»

Гегемон – и только! Лучше не придумаешь!» И, видно, от жалости ко мне, как живому гегемону, выбрал из всякого барахла на складе более справную фуфайку взамен уже надетой, старенькой и выношенной почти до полного износа. После она меня хорошо выручила, можно сказать спасла от гибели на морозе с ветерком в пути до своей деревни. А что самое худое было в моем обличье, так это оставшийся один глаз, шибко он грозно буравил с обезображенного лица. И неопытному человеку, случайно взглянувшему на меня, наверное, казалось, что я вот-вот на него в драку кинусь. Глядел я, глядел в зеркало на гегемона революции, и очень приглянулось мне тогда вроде незнакомое слово, сказанное старшиной, хотя и политруки могли

наболтать на политбеседах, а может, придурь какая на меня тогда накатилась после контузии, не знаю. Так и называл себя потом при разных случаях в жизни вместо матерного слова: гегемон войны, и баста! Когда называл себя этим словом, чувствовал, что немножко веселеет у меня на душе, какую-то облегченность чувствовал в теле, будто лететь куда собрался. А ему, гегемону, все нипочем: шагай смело за наше правое дело. Вот я и зашагал. Зашагать-то зашагал, да на душе было шибко зябко и по-сиротски одиноко. Но што забавно? По пути домой в вагон набивалось много баб с сумками, мешками, и, увидев меня, с жалостью, а то и со слезой в глазах от испуга рассматривали мое израненное лицо и, разговаривая между собой, называли меня страдальцем войны и другими жалостливыми словами. Признаюсь, мне очень даже приглянулось это слово «страдалец» – теплое, ласковое, – каким они меня тогда называли. Оно было сказано ими от сердечной доброты, от сострадания ко мне. Ведь женское сердце более чувствительно воспринимает любую беду, постигшую человека, тем более на войне, и, глядя на меня, они вслух высказывали сочувствие. Но мне было стыдно называть себя страдальцем войны из-за слезливой жалости, звучащей в этом слове, и с настоящими страдальцами войны, каких я повидал в госпиталях, сравнивать меня, пожалуй, было не совсем правильно. Но каким, однако, точным словом они меня тогда называли, увидев уродство войны на человеке, меня насквозь поразило. Не ошибусь, если скажу, что страдальцами войны можно называть только тех солдат и офицеров, которые воевали на передовой, а другие «вояки» из штабов и тыла к ним отношения не имеют. А слово «ГЕГЕМОН» тогда мне больше подходило в моей ситуации, правда, казалось мне казенным, обезличивающим человека и бездушным, но и время-то было жестокое, действительно гегемонское, ведь шла война. Надо сказать, что после выписки из госпиталя во мне появилась непривычная обидчивость на власть за то, что после ранения я был государству вроде бы не нужен, и безнадежно пытался приспособиться к той жизни, какую позднее испытал на себе, будь она проклята. Но это ощущение было недолгим, после само выветрилось. Отправился я тогда домой на пассажирском поезде, как помню, семьдесят четвертым он назывался и ходил от Челябинска до Иркутска. На нем я и доехал до своей станции на четвертые сутки. Было раннее утро, и с востока уже светлело, но морозец держался крепенький. Покрутился я, покрутился на станции, расспрашивая станционных служивых насчет попутки и как мне добраться до дома, да так толком ничего и не вызнал. Выходило, что своим ходом надо топать тридцать километров, хотя и для здорового человека этот путь немаленький, а для раненого бойца, только сошедшего с госпитальной койки, дело рискованное, почти гибельное. Втемяшилось же мне тогда в голову, что обязательно этим же днем хоть пешком, хоть ползком, но нужно добраться до своего дома и увидеть своих сердешных: маму с тятьей, жену Аннушку с сыном Володенькой и другой родней, какая была в деревне. Ведь тыщи раз ночами передумал об этом в госпиталях, мысленно торопил радостный час встречи с ними и тут прикинул, что чем дольше я здесь проторчу, тем скорей убавлю свои припасы, а то и вовсе их съем, а ведь сберегал их, как самые дорогие гостинцы, – своим родным. А их, гостинцев-то, в солдатском сидорке – буханка черного хлеба, сахарку малость и пачка махорки, да парой байковых портянок у старшины разжился – тятю в подарок. Хорошо, что приятель по госпитальной палате, которому еще долго предстояло лечить раны, подарил мне шерстяные вязаные носки, спасшие потом мои ноги от обморожения. Погрелся это я напоследок перед дальней дорогой в жарко натопленной комнатенке на станции, покурил урывком у печки и с Богом тронулся пешком домой. Поначалу шел по-боевому, ходко, да скоро стала кончаться моя запарка. Ветерок-то хоть и небольшой, но колючий и встречный, как назло. Вот я и закрутился: то боком вострюсь двигаться, то задом, а то и вприпрыжку, в притоп да в прихлоп. Всем нутром чую, что замерзаю, ни теплинки во мне не осталось, все из меня высквозило, все тело дрожью лихорадит, будто колотуном бьет, как припадочного. Верная погибель пришла. Ну, думаю, отгегемонился ты, рядовой Никола Хвойников, ни за что пропал. На войне выжил, а тут рядышком с домом конец приходит, хоть вой, хоть кричи, никто не услышит и на помощь

не придет. С надсадой, но все же скинул кое-как сидорок, вызволил оттуда портянки и окочевшими руками с трудом запихал их в штаны через ширинку, прикрыл колени и свое мужское достоинство. Замерзать-то замерзаю, вот-вот околею, а об этом беспокоился, чудно, ей-богу. Иногда казалось, что вперед уже не иду, а чуть плетусь и мотает меня по сторонам, как пьяного, вот-вот свалюсь и не подымусь, конец мне придет. Смотрю почти в беспамятстве на свою погибельную дорогу и вижу, что на ней вроде что-то чернеется. Чуть пригнулся, а это конские говешки дорожкой рассыпаны и уже закуржавели, а на снегу конский и санный следы виднеются. И хоть ресницы на здоровом глазу уже заледенели, а эти говешки все же как-то разглядел, и надежда на спасение во мне шевельнулась. Ну, думаю, деревня совсем рядышком, конь-то, когда в дорогу идет, всегда перед этим опрастывается, да вот когда и где я просмотрел сворот коня с дороги – не пойму, видимо, одним глазом не увидел, не привык еще к одноглазой жизни. Да и как можно было увидеть, когда мой единственный глаз заплаыл слезой, а на ресницах образовались сосульки, а задубевшее от мороза лицо судорогой свело, вроде параличом его схватило. Жалко себя стало, вроде какая-то надежда на спасение была, и ту просмотрел. Дай-ка, думаю, пну их ногой, свежие они или давешние, и пнуть-то пнул, да не устоял на ногах, упал, уткнулся лицом в снег, а подняться не могу: валит меня в стороны от бессилья и гибельная дремота охватывает – спасу нет. Однако ползу вперед, гребу руками, упираюсь ногами, лишь бы не остановиться, тогда конец. И вдруг мне почудился вроде какой-то топот и вжиканье санных полозьев близятся, тут силы меня и покинули, и сознание помутилось. Припал я всем телом к снежному покрову дороги и думаю: больше не поднимусь и пропаду здесь, будь она проклята, эта дорога, раз уж я ошибся насчет догоняющей меня конской подводы. Но Господь миловал. Моим спасителем-хранителем тогда оказался наш деревенский пастух Игнаша Репейников, мужичонка от рождения слабоумный, Божий человек, как говорят у нас про таких в деревнях. Был Игнаша в военные годы одним-единственным мужиком в деревне, раненые еще не приходили с фронта, только похоронки в сорок втором году повально ее сиротили, и он как бы за всех воевавших мужиков и кожиллся на колхозной работе, робил как мог. Поехал он в тот мартовский день солому выдирать из-под снега, чтобы ею покормить колхозную скотину, вконец оголодавшую за зиму от бескормицы, да на меня и наткнулся на обратном пути. Безотказным мужиком был Игнаша, сколь его помню, незаменимый наш колхозный пастух. Да вот беда, матерился он политически вредно для советского строя, и никакие уговоры местной власти на него не действовали. В войну его не трогали, а как победный салют отгремел, тут Игнашу в тюрьму и упекли. Мать его, полуслепая, полуглухая старушонка, лишившись кормильца, пошла с сумой по миру и где-то бесследно затерялась, видно с голоду померла в чужой стороне. А в тот памятный день затащил меня Игнаша на свой соломенный возок и погнал лошадку во всю мочь, на какую она была еще способна. Большой радости от моего возвращения домой не получилось, да и потом ее особо в моей жизни не было. А тогда в родном доме вся родня голосила ревом. Шутка ли, чуть не околевшего бойца привезли домой, с фронта, да еще первого в нашей деревне, живым вернувшегося с войны. И сбежались на это событие все деревенские, изба не закрывалась целый день, всем охота было поглядеть на раненого бойца, и смотрели, глазели на меня, как на диковину какую, охали да ахали и ревом ревели с перепугу, а скорее от жалости от моего фронтового вида. Тятя тогда уже старенький был и совсем хворый, больше на печке лежал, там жизнь дотягивал, а мама у печки суежилась, пока могла. Робить-то оба не могли из-за старости да хворости, и жили только огородом и шибко обнищали, хуже было некуда. Пенсий тогда и в помине для деревенских стариков не было, и беспомощная одинокая старость для такого человека была в большую тягость. А на другой день, как только глаз приоткрыл, малость пришел в себя, меня и оглушили известием, как рванувшей гранатой, что жена моя, Аннушка, по осени была мобилизована районом на лесозаготовки и там придавило ее свалившимся деревом. Два денька дома помучилась и померла. Была тогда у нашей власти кем-то заранее запланированная дурь: молодых бабенок и девчат из колхозного ярма принуди-

тельно направлять в зимнюю пору в другое, совсем уж гибельное ярмо, на лесозаготовки. А там с голода да холода они, сердешные, навсегда теряли свое здоровьишко на непосильной работе, а то и гибли, как моя женушка. Сказывают, что германцы своих бабенок сроду так не тиранят на подобных работах до изнеможения. Стало быть, загодя берегут их для рождения здорового потомства. Нам бы так! Да где та-ам! А сынок Володенька чуть погодя утонул на озере, когда побежал покататься по молодому льду, да не уберегся сынок, оплошал. Лежат сейчас в могилах рядышком, мои сердешные, не дождалась меня совсем маленько, хоть и покалеченного, но живого. Да и два моих кровных брательника в первый же год войны сложили там свои головы. И получился у меня в жизни полный разгром, как у немцев под Москвой, одни могилы да кресты, и отступать мне, выходило, больше некуда. Но надо было как-то выживать. Иной раз и заревел бы от всего этого, да нечем стало реветь, все внутри от горя иссохло. Рвутся из меня одни хрипы, и штоись не пойму, то ли реву, то ли матерюсь в безответную пустоту нашей жизни. А хорошие мысли в ту пору в моей голове даже не появлялись. Неоткуда им было взяться. От всего плохого тятя отвлекал меня разговорами о своей службе в царской армии. Вспоминал о той, германской войне, а я ему – об этой, и выходило, что в царской армии больше порядка было и уважения к солдату, сытому и одетому, справному, да и державу свою они защищали, пусть и с немалыми жертвами, но с умом. Воевали больше на чужой территории и свой народ в обиду иноземцам не давали. Смотрю, бывало, на старые фотографии отца и его сослуживцев, и все они на лицо мордатые, brave, будто кирпича просят, ну и допросились в семнадцатом году, век не забудут, кто живым остался. И как бы мое неизбывное горяшко ни давило на меня тяжелым камнем, но природа безотказно брала свое. Да тут и весна зазывной песней в душу вкралась, подняла меня на ноги, сняла с печки и потянула на улку, к людям поближе. Начал я, этось, на наших вдовушек снайперский прикид делать, в обзоре держать своего одноглазого взгляда и свои наметки в уме насчет их метить. Правда, недолго высматривал, кого взять в жены из наших бабенок, измотанных работой и нуждой, и особо не выцеливал, а сразу положил глаз на Катерину Пригожину, нашу деревенскую молодуху, вдовую к той поре. Раз обмолвились накоротке, другой да вскоре и сошлись. Колхоз в ту пору совсем захирел, держался на бабах да ребятишках, рано повзрослевших в войну без отцов. Устроился я тогда лесничим от нашего районного лесничества да и стал промышлять помаленьку рыбалкой да охотой, и жизнь вроде во мне затрепыхалась, оживать стал. И вот какое дело: пока в лежку лежал эти месяцы, гегемон революции в голову мне не лез, не мутил душу, а как чуть ожил, он тут как тут появился, не спросился, стал мне на ум приходить по разным случаям жизни. Как вспомню, бывало, его, так ухмылка невольно расплзается на моем обезображенном лице, пугает Катерину. Та и давай ко мне с подозрительностью приглядываться да выпрашивать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.